

УДК 821(470.344).09"1970/20"

**ПОЭЗИЯ В. ЭНДИПА КАК ПРОСТРАНСТВО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ВЕДУЩИХ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ ЧУВАШСКОГО ЭТНОСА**

**V. ENDIP'S POETRY AS REPRESENTATION
OF GENERAL PHILOSOPHICAL IDEAS OF THE CHUVASH PEOPLE**

О. В. Скворцова

O. V. Skvortsova

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье представлен анализ философской поэзии чувашского поэта В. Эндипа, раскрыты ведущие философские идеи чувашского народа через символический образ огня.

Abstract. The article presents the analysis of philosophical poetry of the Chuvash poet V. Endip, discloses the general philosophical ideas of the Chuvash people through the symbolic image of fire.

Ключевые слова: философская поэзия, этнос, национальное мировосприятие, память, культ предков, образ огня.

Keywords: *philosophical poetry, ethnos, national world-view, memory, cult of ancestors, image of fire.*

Актуальность исследуемой проблемы. Поэзия В. Эндипа помогает воссоздать своеобразную картину чувашской интеллектуальной и философской поэзии, реально выявившей себя в преемственных связях, в исторической закономерности и эстетической цельности. Своеобразие созданного поэтом художественного мира определяется качественно новым взглядом на окружающую действительность.

В свете сказанного назрела настоятельная необходимость тщательно и всесторонне изучить наследие В. Эндипа, появление которого на литературной арене совпало по времени со становлением и подъемом новых философско-эстетических течений, ознаменовавших собой серьезные перемены в чувашской духовной жизни.

Материал и методика исследований. В научной работе были использованы тексты лирических произведений В. Эндипа 70–80-х годов XX в.

В качестве основных были взяты методы конкретно-текстового, сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного анализов.

Результаты исследований и их обсуждение. В 70-е гг. XX в. продолжают интенсивные художественные искания, уходящие корнями в самую многообразную жизнь, в сложные судьбы современного мира и человека в нем и вместе с тем опирающиеся на богатейший опыт прошлого, творчески развивающие лучшие традиции мировой и отечественной классики. Со второй половины 70-х годов XX в. в поэзии значительное место стали занимать стихи с философскими выводами, выдержанные в форме нравственных раздумий о действительности и человеке. В лучших стихах такого типа раскованное раз-

витие мысли окрашивается эмоциями, обостренными ощущениями лирического героя. В творчестве молодых поэтов наметилась своеобразная черта – они как бы стремились «прочитать легенды разных веков», обращаясь к истокам героического прошлого, более полно раскрыть взаимосвязь прошлого и настоящего. Данную точку зрения высказала и литературовед И. В. Софронова: «Поэты опять-таки возвращаются к народным поэтическим формам, богатству и многозначности языка, к истории народа» [3, 195].

Тяга к контрастному сравнению существенна в палитре В. Эндипа. Его лирический герой понимает себя через обращение к правремени, к народной нравственности. Для него характерен тип мышления чувашей: наделение произведений глубоким философским содержанием – одухотворенностью, иносказательностью. Поэт, на наш взгляд, создает не просто образы, а образы-концепции (образы огня, солнца, матери), с помощью них раскрывает душу чувашского народа. Через каждое стихотворение поэта красной нитью проходит мысль о том, что человек является хранителем ценностей рода, народа, мира в целом. Каждый образ отражает древнее мифологическое представление, особенности философского мировидения автора и глубоко национальный характер его художественного сознания.

Одним из ключевых в поэзии В. Эндипа является образ огня, к которому служитель муз обращается на всем протяжении творческого пути. Образ огня переходит от стихотворения к стихотворению и каждый раз наполняется новыми красками, усиливая звучание авторской мысли. Ярким свидетельством тому служит лирическое произведение «Чăвашăмсем, ларар-и куşa-куşaн» («Чуваши мои, давайте присядем друг против друга»). Исследуемый текст в своем построении имеет мифологическое пространство, т. е. здесь показана модель мира через образ «карта» (в переводе с чувашского «жизненный круг»). Известно, что в чувашской среде «этнокультурные традиции передавались молодому поколению главным образом через семейно-родовые и общественные обряды. Основные ритуалы, имеющие объединительные силы, были связаны с культом предков» [2, 260]. Лирический герой как истинный сын своего народа созывает всех мужчин на священное место (йăмра айё – дерево жертвоприношения, святой столб, древо рода) для того, чтобы сверять свои поступки с поступками предков. Согласно В. Г. Родионову, это связывало предков и потомков одним пространственно-временным круговоротом (по представлению чувашей время движется не линейно, а спиралеобразно: по кругу, но в каждом случае на новом уровне). Уникальность личного бытия человека определяется его участием в этом постоянно обновляющемся круговороте жизни.

Объединительной силой являлось понимание священности. Одним из таких мест был очаг. В поэтическом тексте в образе очага выступает костер, который разожгли в центре круга (на святом месте). Данная картина говорит еще и о том, что поэт учел и следующую особенность миропонимания своего народа. Дело в том, что в старину членами одного рода считались люди, пользующиеся одним очагом (вут). Следовательно, в строфе просматривается гнездовое поселение предков чувашей, где размещался центр, то есть культовое место. Так и здесь имеется древо культа, центр родового поселения. Таким образом, уже в начале стихотворения задается тема круга как вечности. Нет прошлого, настоящего, будущего времени, время – одно. Нет ни начала, ни конца мироздания, оно повторяется. Такая модель мира просматривается и в композиции стихотворения: начальная и конечная строфы раскрывают одну и ту же суть – чтобы поклониться предкам, земле, памяти, обычаям, нужно собраться в родовом очаге.

В чувашском обществе почитание старшего в роду и в семье является одним из главных критериев поведения личности. Связь старшего и младшего поколений выступала в качестве материального и духовного оплота человека. Уважение лирического героя к старцам, умудренным большим житейским опытом, наблюдаем и в контексте:

Чи асчаххи – асли – сáмах пуçлатáр.	Пусть возьмет слово самый мудрый –
Аса илер чи авалхи çемме.	старец.
Ваттин сáмахё – çитмёл сул туптаннán	Вспомним напевы древности.
Хёрүллён шухáш-туйáм хёмёнче.	Пусть слова старца заставят нас задуматься
Пуç мимине те сухалатáр тарáн	И в душах наших зажжется солнце.
Хёвел те çутáр чун-чём тёнчинче.	

[4, 8]

(Здесь и далее – перевод автора)

С именем отцов, дедов, прадедов связана тема памяти. Поэт приводит читателя к мысли, что «человечество постоянно должно обращаться к прошлому, питаясь его мудростью» [1, 224].

Только тогда, когда человек будет помнить и соблюдать нравственные устои своего народа, он может ведать о вечности, красоте, чистоте, доброте. Обращение к памяти у В. Эндипа не случайно. Оно нужно для того, чтобы в своей художественной концепции представить модель жизни родного народа – смысл жизни чуваша видят в согласии с природой, в соблюдении нравственных уроков предков. Эстетическое содержание данного произведения и всей лирики поэта в целом представляет глубины национального мировосприятия.

В стихотворениях, где современность осмысливается сквозь призму прошлого, судьба народа прослеживается полно и ярко. Образ народа представлен двумя началами – мужским и женским. Их единение дает другое начало – новую жизнь. Для лирического героя В. Эндипа такая закономерность обусловлена самой природой. Тема вечного возвращения к прошлому опыту, к единству мира с особой остротой звучит в стихотворении «Тавралáха карса илсен каçхи тётре» («Когда ночной туман окутает округу»). В поэтическом тексте лирический герой желает встретиться с ушедшими предками через соприкосновение с душой народа:

Тавралáха карса илсен каçхи тётре,	Когда ночной туман окутает округу
Кун çутипе сём савáшса пёрлешнён	И день с ночью сойдутся в объятиях
Кáвак пёркенчэк витнё хўтлэхре,	друг друга,
Эп – ёмёрхи килёшёве пёлесшён –	Под их голубым покрывалом любви в тиши
Аваллáха путатáп ёмётре.	Я, намереваясь понять вечную гармонию,
	В своих мечтах погружаюсь в древность.

[4, 30]

В рассмотренном эпизоде глубоко скрыт мифологический подтекст, помогающий раскрыть суть мироздания. По языческим верованиям чувашей все в мире подчинено единому закону – приумножению и продлению жизни всего сущего на земле. Для отражения этой идеи В. Эндип создает механизм образной параллели между природой и человеком: кунпа сёр пёрлешёвё – день и ночь вместе сходятся. Поэт динамично развивает эту сцену во времени и пространстве. В центре Вселенной находится женщина с ребенком:

Ару вучахё умёнче вӑрахӑн
Ларатӑн пепкӑне эс ёмёртсе.

Сидишь и кормишь ты ребенка грудью
не спеша около родового очага.

Обращая свой взор в беспредельное мироздание, лирический герой видит там женщину с ребенком. Свет и мощь исходят от образа матери. Через этот образ поэт представляет образ вечной женственности с ее чистой силой и тайной. Образ матери у него космичен, равен как богу Кебе, так и мировой душе. Мать – начало творящей силы.

Здесь в роли центра Вселенной выступает образ очага рода. Он увлекает читателя в глубь веков, заставляет вспомнить свои корни и задуматься о ценности жизни. Для чувшей образы очага и женщины неразрывно связаны, потому что именно женщина является хранительницей очага. Между ними можно провести и определенную параллель: оба образа излучают свет, тепло и приносят чувство умиротворения. Тем самым смысловая нагрузка очага и женщины заключается в раскрытии начала и продолжения жизни на земле. Образ огня немислим без образа мужчины, лирического героя стихотворения. Он – часть, стержень мира. Женщина и мужчина несут в себе искорки огня. Слияние этих двух начал ведет к возникновению семьи, помогает зажечь родовой очаг.

Одно несомненно для лирического героя: жизнь – это вечная борьба. Главная его цель – это преодоление всех трудностей и оберегание огня, зажженного вместе со своей женщиной, потому что она для него и друг, и возлюбленная, и судья:

Эс – манӑн тус, савни,
эс – ман тӑре...

Ты – мой друг, возлюбленная,
ты – мой судья...

Женщина ради жизни, ради счастья может пожертвовать собой, может постоять за себя и за свой дом – очаг. Все это делается ради любви – к такому философскому выводу подводит поэт читателя. Сколько бы веков ни прошло, одно останется неизменным – любовь, поэтому мужчина и женщина находятся в вечном поиске друг друга:

Эс – ёмёрхи килёшёве пёлесшён –
Мана кётме тухатӑн ёмётре.

Ты, намереваясь узнать вечную гармонию,
выходишь встречать меня в своих мечтах.

Для лирического героя жизнь на Земле немислима без женщины. Он боготворит ее, потому что женщина продолжает род человеческий:

Хёрарӑм эс, чёру савма пикеннён –
Пин сул иртсен те пурпёрех тӑрре
Эс тухӑн, сёнё пурнӑс тёвёлёнён.

Ты – женщина, пусть пройдут тысячелетия,
все же ты останешься права,
потому что ты даришь новую жизнь.

Любовь и согласие, понимание и уважение – вот основы вечной гармонии. К такому утверждению помогает прийти умело построенная композиция стихотворения. Поэт искусно смог совместить в одном тексте приемы романтизма, реализма и философии. Поэтому через взаимоотношения, думы и действия мужчины и женщины можно проследить всю судьбу народа. Так своеобразно раскрыл В. Эндип тайны бытия, вечно волнующие человечество, выступив, с одной стороны, проводником и переводчиком жизни, а с другой – ее соавтором. Это одно из проявлений многогранного дарования чувашского поэта. Его творчеству присущи углубление во внутреннюю жизнь и желание познать суть бытия. По мнению поэта, все имеет ценность лишь постольку, поскольку в нем отражается вечное, в этом плане данное стихотворение является концеп-

туальным. Проанализировав произведение художника чувашского слова В. Эндипа, мы можем сделать вывод о том, что образы художественного пространства поэта представляют культурное целое его народа.

С образом огня в лирике В. Эндипа непосредственно связан и образ матери. «Согласно чувашскому мировидению женщина-мать была священна и неприкосновенна» [2, 263]. От матери исходит свет и тепло, как от огня. Мать – хранительница домашнего очага, традиций рода, народа. Герой В. Эндипа боготворит мать, он думает, что она в своей душе хранит свет и мощь чувашского народа. Ее мысли, поступки, дела являются тому прямым свидетельством. Ковер, вытканый руками матери, напоминает сыну древний герб рода:

Хура шинче, Вӑл ҫӗр – тӑла кумми, Савса тӗрленӗ авалхи элем-мӗн: Вучах, кил-ҫурт ӗлки, тӗпе пусми, Йӑх пӗрлӗхин палли курнать илемлӗн. Ак пурнӑҫ йывӑҫҫи хӗвел енне Турат ҫумне турат хушса ҫӗкленӗ. Ҫӗлте куратӑп Кайӑк Хур ҫулне...	На черном фоне – С любовью вышитый древний герб, Это наша земля: Здесь красуются дом, очаг, дорога к небу И знак единства рода. Вот древо жизни возвышается к солнцу, Прибавляя ветку за веткой. Вдалеке вижу и Млечный Путь...
---	--

[5, 19]

Снова представлена модель мира: земля, небо, Млечный Путь, древо рода, очаг. Они слиты воедино. Мать выступает центральной фигурой: она не дает погаснуть огню, потому что свои знания передает сыну. Все замыкается в круг. Ведь круг забот, связующий мать и ребенка, есть наиреальнейшая привязка ко всей женской жизни вообще, связанная с проникновением в самые заветные тайны бытия. «Дитя» и есть творческий родник, таинственный ключ к познанию рода человеческого, без него обесмысливается и само ремесло, превращаясь в бесцельную игру, пустые догадки о сокровенном. Согласно В. Г. Родионову, «культ Матери обращен в настоящее, в область ее деятельности по воспитанию подрастающего поколения» [2, 263]. Мать, раскрывая тайны бытия и передавая этнокультурные традиции сыну, выполняет свою земную миссию. Поэтому ее образ светел. Сын, осмысливая предназначение Женщины-матери, благодарит ее и своим Словом доказывает, что является достойным продолжателем рода:

Элем илемӗ вӑй кӗртет чуна: Вӑл ман хавха – поэзири ҫунатӑм.	Красота герба дает мне силы: Он – мое вдохновение.
---	---

[5, 19–20]

Исходя из содержания произведения, мы можем сделать вывод о том, что мать для В. Эндипа стала духовным центром. Благодаря матери он познал азы жизни. Сын следует заветам матери, по этой причине сохраняя любовь ко всему на этой земле. Вышеизложенное позволяет сказать, что образы огня и матери перекликаются друг с другом. Они – могущественная сила, дарующая жизнь и ее обновление.

В творчестве В. Эндипа образ огня отличается особой многоплановостью, но основное его значение – свет, идущий из глубины сердца поэта (согласно древнейшему представлению огонь и пламя – это символы сердца). Из стихотворения в стихотворение видится его желание восславить свет, под которым подразумеваются чистота мыслей и духа, добропорядочность, честность по отношению к себе и окружающим – «Тӗрлӗхе чун

саврĕ» («Душа моя отдала предпочтение честности»); «Хуратăп чăнлăхпа ыра тĕпе кашни çĕн саввăмра» («В каждом новом стихе пою хвалу честности и добру»); «Тасалăха – нимрен хакла хурса! / Хăюлăхпа хÿтĕлеме пĕлер» («Давайте с честью защитим чистоту как наивысшую драгоценность»). Таким образом, жизнь для поэта – это постоянная борьба за достоинство, доброту, чистоту, будущее. Огонь олицетворяет духовное начало в жизни человека. В лирическом произведении «Пиллĕхлĕ тĕнчем» («Благословенный мир») герой как бы дает своеобразную клятву перед своим народом:

Эп сутман чуна,	Я не торговал своей совестью,
Пытарман чăна	Не скрывал правду
Е юна-юна	И не проклинал человека.
Ылханман сынна,	Потому-то, гость мой,
Çавăнпа, хăна,	Нравишься ты мне.
Кăмăллап сана –	Люблю и день красивый,
Чи хитре куна,	День сегодняшней.
Паянхи куна.	

[5, 30]

В данном тексте представлено эстетическое кредо чувашского поэта В. Эндипа: людям, живущим по законам природы, открывается истинная ценность жизни. Свой голос художник слова посвящает народу, предкам, будущему поколению, доносит до людей свет души. Тем самым еще раз утверждается мысль о том, что он верный сын родного народа, всегда помнящий и чтящий заветы отцов. «Слово поэта обращено к народу, его думы не о себе, а о судьбе этноса» [1, 173]. Можно с полной уверенностью сказать следующее: продолжение жизни поэт связывает с мотивом передачи своего огня (света) детям. Эти строки говорят о сильной вере лирического героя в животворящую энергию огня.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что В. Эндип является певцом огненной стихии. В основе его мировосприятия, как и народа в целом, лежит поклонение огню, свету. Поэт, обратившись к истокам, донес до нас духовные ценности народа.

Резюме. Нами рассмотрена философская поэзия чувашского поэта В. Эндипа. Анализ показал, что поэзия художника слова является пространством представления ведущих философских идей чувашского этноса. Для их раскрытия автор обращается к образу огня. В образе огня в поэзии В. Эндипа обнаруживаются отражение древних мифологических представлений, особенности философского мировидения поэта и глубоко национальный характер его художественного сознания. В ходе освоения национальных традиций поэт выработал свою авторскую точку зрения на мир, индивидуальное художественное мировидение и пути их отражения в поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермакова, Г. А. Слово Айги / Г. А. Ермакова, А. М. Ермаков. – 2-е изд., испр. и доп. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 372 с.
2. Родионов, В. Г. Этнос. Культура. Слово / В. Г. Родионов ; сост. А. Н. Лукина. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – 552 с.
3. Софронова, И. В. Восточные мотивы в чувашской поэзии / И. В. Софронова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 3 (71). Ч. 1. – С. 193–196.
4. Энтп, В. Самана / В. Энтп. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 1987. – 254 с.
5. Энтп, В. Чĕнĕ чанĕ : савăсемпе поэмăсем / В. И. Энтп. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 1989. – 191 с.